Jean Anouilh

LA BELLE VIE

LA TABLE RONDE

Красивая жизнь
Жан Ануй

Аннотация
Жан Ануй. Красивая жизнь

Аннотация

Действие отнесено более чем на полвека назад, к эпохе восточноевропейских революций 20-х годов. После победы революции семейство аристократов выставляют на всеобщее обозрение в Музее Народа, как зверей в зоопарке — на потеху и поучение революционному народу. Аристократы отвратительны — бездельники, пьяницы и развратники. Революционеры не лучше — невежественные и жестокие. Графские сын и зять дерутся, вцепившись друг другу в волосы, а бывший лакей (ныне комиссар) мочится им в кофе.

Жан Ануй
Красивая жизнь

La Belle Vie de Jean Anouilh (1965)
Перевод с французского Александра Карлова

Действующие лица:

(У автора перечисления действующих лиц нет. — *Прим. Переводчика)*

Граф Зигмунд фон Валенсей

Графиня Эрминия фон Валенсей.

Ганс фон Валенсей, *их сын.*

Гертруда фон Куберстроф, *их дочь.*

Людвиг фон Куберстроф, *муж Гертруды.*

Баронесса Мина фон Брахейм, *родственница фон Валенсей.*

Альбер, *их бывший дворецкий, заместитель помощника комиссара.*

Горничная, *бывшая исполнительница стриптиза.*

Бизнесмен.

Второй бизнесмен.

Третий бизнесмен.

Генеральный директор.

Комиссар.

Председатель Революционного комитета.

Первый комиссар-рабочий.

Второй комиссар-рабочий.

Первый солдат.

Второй солдат.

Заключенные.
Солдаты.
Члены Революционного комитета.
Зрители в Музее Народа.

Мелькают видения революции. Можно использовать разный изобразительный материал, в том числе кадры кинохроники. Главное — дать зрителю почувствовать, что это происходит после первой мировой войны. В его сознании должны возникнуть образы Белы Куна или «Мюнхенского путча», или даже русской революции, если только костюмы не будут слишком конкретными. Старинные танки, люди, обращающиеся к толпе с грузовиков, совещающиеся солдатские и рабочие комитеты. Аресты, казнь, ощетинившаяся красными знаменами рукоплещущая толпа, и вдруг… тюрьма. Огромная камера, набитая мужчинами и женщинами. Одежды должны смутно напоминать 1918год. Издалека слышен залп. Некоторые заключенные вскакивают, приподнимаются, потом снова ложатся.

Граф. Наверное, сегодняшний утренний список. У них на это уходит примерно три часа.

Бизнесмен *(полный человек, лежащий рядом с графом).* Все революции начинаются с дурацкой

и грубой чистки. Ею пользуются, чтобы убрать соседа за то, что он слишком пристально смотрел на вашу жену… Или чересчур нетерпеливых кредиторов… Оголтелый патриотизм, защита дела народа всегда прекрасно способствовали погашению долгов. Ведь донести на домовладельца — это в мутные времена самый изящный способ заполучить его квартиру. Но потом все утрясется. И тогда обращаются к специалистам. Вот тут-то люди, компетентные на моем уровне в международных делах, снова становятся необходимы. Какая у вас специальность?

Граф *(с усмешкой).* Бридж. Я также завоевал множество призов в стрельбе по голубям.

Бизнесмен (с *пессимистическим жестом).* Ну да, ну да… Если только Временное правительство новой Республики не объявит массовое истребление этих птах…

Граф. Это мне представляется маловероятным. Кровь голубей прольется в последнюю очередь.

Бизнесмен. Специальность!.. Нужно иметь специальность! Подумайте еще.

Граф. Когда я был помоложе, меня уверяли, что я очень хорошо танцую.

Бизнесмен *(пессимистически).* Это несерьезно.

Граф. Большую часть моей жизни это казалось

мне очень серьезным. Но теперь…

Бизнесмен. Взгляд на вещи сильно изменился.

Граф. Да, вы правы… *(Думает.)* Я очень хорошо умел ухаживать за женщинами

Бизнесмен. Боюсь, что это тем более не представляет для них интереса. Заметьте, что женщин эмансипируют.

Граф. Вот именно. Больше не будет необходимости уметь за ними ухаживать. Да нет, я подозреваю, что народное правительство вряд ли найдет возможность как-либо меня использовать, как говорят эти люди на своем языке.

Бизнесмен. Вы никогда не учились какому-нибудь ремеслу?

Граф. Вышиванию. Я скопировал все ковры Обюссонской школы.

Бизнесмен *(все более пессимистически).* Ну да, ну да… *(После паузы добавляет.)* Поверьте, друг мой, если мое положение, моя компетенция откроют мне какие-либо возможности, я сделаю все, что от меня зависит…

Граф. Спасибо, дорогой друг. Не хотите ли разделить со мной последнюю мою сигарету?

Бизнесмен *(изумленно).* У вас еще осталась сигарета? Вы очень щедры.

Граф. Да, на это у меня тоже определенный

талант. Но боюсь, что при новом взгляде на вещи щедрость тем более не будет считаться гражданской добродетелью.

Бизнесмен. Я тоже этого боюсь. *(Чувствуется, что ему хочется покинуть столь компрометирующую его компанию. Он поднимается.)* Сегодня утром я еще не имел чести приветствовать графиню. Передайте ей мое почтение.

Граф. Не премину это сделать. В котором часу будет следующий список?

Бизнесмен. В половине второго, как обычно.

Граф. В это время ко мне входил дворецкий и объявлял: господин граф, пожалуйте к столу! В тайне от меня он вроде был вожаком какой-то подпольной ячейки. Не правда ли, было бы забавно, если бы он вошел сюда как народный комиссар и объявил бы мне в последний раз: господин граф, пожалуйста… Пиф-паф! *(Изображает, как стреляют играющие в войну дети, и смеется.)*

Бизнесмен *(мертвенно бледный).* Не понимаю, как вы можете шутить такими вещами.

Граф. Фамильная традиция. Вы знаете, я ведь по происхождению француз. Нас в 1790 году уже гильотинировали. Так что мы поневоле привыкли. Рассказывают, что мой предок в Кармской

тюрьме учил свою дочь, как нужно грациозно подниматься на эшафот.

Бизнесмен *(выражение его лица внезапно становится гадливым).* Слава богу, что мой отец, несмотря на то положение, которое я теперь занимаю в сульфатах, был простым сапожником.

Граф *(улыбаясь).* Вот те на! Вы скрывали это от нас, дорогой друг!

Бизнесмен. Да. Но теперь я очень рассчитываю, что с этим будут считаться! Я человек из народа! И я это докажу!

Граф. Позвольте мне искренне вас поздравить!

Бизнесмен *(отходя от него, несколько смущенный).* Конечно, я прекрасно понимаю, что наследственные привилегии — это мерзость! Но в конце концов, что я могу тут сделать… Я сын сапожника и прачки! И они даже не были женаты!

Граф. Примите мои поздравления!

Они расходятся в разные стороны. Бизнесмен подходит к небольшой группе таких же, как он, бизнесменов.

Второй бизнесмен. Я, слава богу, уже давно начал давать деньги этим революционерам.

Третий бизнесмен. Мои отношения с правительством не позволяли мне, к сожалению,

этого делать, но я заставил сына записаться в молодежную организацию партии. Простая предосторожность. Я представлялся всем страшно огорченным, говорил, что это безумная выходка юнца. На самом деле я вынужден был его заставить, у него были правые идеи. Это была предосторожность опытного пожилого человека.

Бизнесмены разражаются хохотом. Граф присоединяется к группе женщин, которые выглядели бы весьма элегантно, если бы не то обстоятельство, что уже пятнадцать дней они не причесывались и не умывались.

Граф. Дорогая моя, Риденкраф поручил мне засвидетельствовать вам свое почтение.

Графиня. Как? Его еще не расстреляли? Ведь если кто-то и эксплуатировал народ, так это такие люди, как он. У него было пятнадцать тысяч работниц, а у нас только пятеро слуг!

Граф. Он смотрит на свое будущее вполне оптимистически. Он думает, что будет нужда в компетентных людях, занимающихся такого рода деятельностью. Похоже на то, что в сульфатах никто без него не разберется. А сульфаты нужны всегда, при любой власти. Не будем за него волноваться. Завтра он будет иметь под началом

вместо пятнадцати тридцать тысяч работниц, тот же самый кабинет и, может быть, ту же самую машину.

Баронесса *(старая дева с детскими замашками).* Да, но у него не будет тех же барышей. И это будет правильно. Вот!

Граф. Моя дорогая Мина, у него больная печень, и он ел одну морковь. Я думаю, что раздобыть себе морковь он сможет всегда.

Графиня. Мне сказали, что он пользовался постыдным правом первой ночи со всеми секретаршами. Одна из этих несчастных наверняка на него донесет…

Граф. Все они останутся его секретаршами, а он будет по-прежнему их шефом, только под другим названием. Подозреваю, что в качестве комиссара по сульфатам право первой ночи он за собой сохранит. В этом плане революции редко меняли людские нравы. Похоже также, что он пользуется покровительством сапожника и прачки.

Графиня *(заинтересовавшись).* Какой ловкач! Я уже давно, с тех пор, как почувствовала, куда ветер дует, все время вам говорила, что надо быть очень любезными с такими людьми. Но вы просто ни на что не способны.

Граф *(легко).* Я еще при прежнем режиме подо-

зревал, что я малоспособный человек. Теперь же для меня это совершенно ясно.

Графиня. Но ведь это несчастье — позволить себя так глупо расстрелять только потому, что вы опять ни о чем не подумали заранее. Вспомните, как в 1912 году во время путешествия по Франции вы отправили весь наш багаж в Биарриц, потому что ваша тогдашняя любовница проводила там лето и у вас в голове ничего, кроме названия этого города, не было. Она вроде была танцовщицей?

Граф *(устало машет рукой).* Все это было так давно… Танцовщицы теперь станут важными партийными чиновниками. К ним больше не подступишься.

К ним подходят молодые люди: Людвиг, зять графа, Ганс, его младший сын, Гертруда, его дочь.

Гертруда. Отец, вы знаете новость? Хильтехаузены в Центральной тюрьме. Штурпы и Бенкенхеймы тоже. Генрих фон Виллештейн попросил, чтобы его туда перевели, и каким-то образом добился своего. Теперь уже все, у кого в этом городе есть имя, в Центральной тюрьме. Похоже, что сейчас это единственное место, где есть общество. Только мы сидим здесь, в толпе лавочников и коммерсантов. Отец, я уверяю вас,

вы должны потребовать, чтобы нас перевели. С вашим именем наше место там!

Ганс. Тем более что это единственное место, где еще можно развлечься. Похоже, что там вполне сносно кормят. Начальник — тюрьмы — бывший дворецкий Адлонов.

Граф *(улыбаясь).* Бедные мои дети, вы грезите…

Гертруда. Ну, конечно, вы, отец, никогда не умели заставить уважать себя. Весь свет в Центральной тюрьме, а вас заперли здесь вместе с мелкими буржуа, и вы до такой степени сноб, что в восторге от этого. Вы никогда не хотели жить, как все.

Людвиг. Мой дорогой тесть, позвольте мне сказать вам, что я полностью разделяю мнение Гертруды. В том испытании, которое сейчас выпало на нашу долю, единственное наше утешение — это быть среди своих. Вчера я встретил своего портного, сегодня утром едва не столкнулся ног, к носу с сапожником, которому я сильно задолжал и который наверняка воспользовался бы этим, чтобы держать себя со мной запанибрата. Это очень неприятно.

Граф *(мягко).* Мой дорогой Людвиг, те списочки, которые нам ежедневно зачитывают, делают

ваши маленькие неприятности совершенно смехотворными.

Людвиг. Я офицер и всегда относился к смерти как к естественному для моего ремесла явлению, но я не испытываю желания стоять во время расстрела между своим портным и своим сапожником. Это мое право.

Граф *(мягко).* Знаете, между мертвецами…

Гертруда *(возмущенно).* Отец! Людвига не могут расстрелять! Он никогда ничего не делал! Его нельзя обвинить в том, что он сосал народную кровь. Он не способен заработать и гроша!

Граф *(вежливо).* Будем надеяться, что это ему зачтется.

Графиня. Зигмунд, вы отвратительны! Я всегда говорила, что вы демагог. Дети имеют все основания хотеть быть вместе со своими друзьями. Если вы не желаете ничего сделать, я сама найду начальника тюрьмы и устрою ему такой скандал…

В окружении солдат входит человек с листом бумаги в руке.

Шум в камере сменяется глубокой тишиной.

Граф *(заставляя Графиню замолчать).* Держите себя приличней! Сейчас прочтут список, и кто-то пойдет умирать.

В пугающей тишине некоторые заключенные встают и с ужасом смотрят на того, кто пришел распорядиться их судьбой.

Маленький смешной человек собирается читать свой список.

Граф подносит к глазам монокль и внезапно восклицает.

Граф. Да это Альбер!..

Графиня *(восхищенно).* Ну да, это он! *(Кричит.)* Альбер! Мой дорогой Альбер!

Граф *(жестко).* Замолчите! Это неприлично! Вы никогда не говорили с этим человеком таким тоном.

Человек со списком скользит по ним тусклым взглядом. Такое впечатление, будто он их не знает. Однако потом, когда он начинает читать список, в его глазах появляется блеск.

Альбер *(читает).* Бывший граф фон Валенсей, бывшая графиня фон Вален-сей. Ганс фон Валенсей, Людвиг фон Куберстроф, Гертруда фон Куберстроф, бывшая баронесса Мина фон Брахейм. Все в канцелярию!

Альбер показывает пальцем на выход.

Заключенные смотрят на него, как бы оце-

пенев.

Граф двигается с места первым, за ним направляются члены его семьи.

Их окружают солдаты. Остальные заключенные печально и в то же время с облегчением смотрят, как их уводят. Декорации меняются. Гостиная. Через высокие, покрытые позолотой двери видны другие комнаты.

Солдаты вводят группу заключенных.

Графиня *(разглядывая все вокруг в лорнет).* Вполне прилично обставлено, хотя и нельзя сказать, что с безупречным вкусом. Например, это маленькое французское кресло само по себе и недурно, но оно явно не на месте.

Граф *(насмешливо).* Мы предъявим претензии.

Графиня. Вы, как всегда, острите, вернее, пытаетесь острить. А я считаю, что они приняли во внимание наше положение. Это, конечно, не бог весть что, занавески весьма провинциальны, да и мебель жалкая, но тем не менее улучшение бесспорное.

Людвиг. Совершенно очевидно, что если бы они хотели расстрелять нас сегодня после обеда, то сюда бы не перевели.

Баронесса *(возвращается, осмотрев соседние комнаты).* Я хотела бы занять комнату с туале-

том, окна которой выходят в сад.

Графиня *(едко).* И, таким образом, всем остальным придется пользоваться единственной исправной ванной комнатой! Да, Мина, революций может произойти сколько угодно, вашего эгоизма они не изменят.

Баронесса. Я должна это понимать так, что вы выбрали ту же комнату? В самом деле ничего не меняется.

Граф. Я был бы вам признателен, если бы вы избавили нас от ваших вечных споров. Нам совершенно не обязательно знать, где вы расставите ваши банки с кремом, если вы, конечно, думаете, что у вас будет время им пользоваться. Эти люди, возможно, заставят нас работать.

Графиня. Какой ужас!

Граф. Меня занимает совсем другое: видите веревку? Интересно, для чего ее здесь протянули?

В самом деле, огромную гостиную разделяет на две равные части закрепленный на стояках шнур, который уходит в открытые двери и, похоже, тянется через всю анфиладу комнат. Все, ничего не понимая, разглядывают шнур.

Баронесса. Какие вы глупые! Ведь это просто для того, чтобы мы не убежали.

Услышав это детское умозаключение, все пожимают плечами.

Ганс *(выбегая из соседней комнаты).* Папа, я понял, где мы находимся. Я сориентировался по окнам. Они выходят на казармы гвардии. Дворец правосудия и памятник королеве Вильгельмине. Потому, как расположены парки, это не что иное, как дом Вальдшуцей!

Графиня *(вскакивает).* Мы у Вальдшуцей? Я поклялась, что нога моей у этих людей никогда не будет! Вы забыли, что они сделали с нашей бедной тетей Эленой? Зигмунд! Вы немедленно должны…

Граф *(взрываясь).* Оставьте меня в покое! Я никуда не пойду протестовать! Эти люди размещают нас там, где хотят, и мы не у Вальдшуцей, потому что Вальдшуцы больше не у себя. Вам надо бы все-таки уразуметь, что произошла революция.

Баронесса. Но почему они поселили нас у Вальдшуцей вместо того, чтобы поселить нас в нашем собственном доме?

Граф. Мы это узнаем, когда они захотят нам это сказать. Если они, конечно, захотят…

В этот момент входят солдаты и Народный комиссар, маленький интеллектуал в очках,

очень левый и злой, но иногда демонстрирующий изысканные манеры. За ним идет Альбер, бывший дворецкий.

Графиня. Альбер! Вот Альбер!

Граф *(тихо).* Ни слова, пожалуйста! Он был у вас на службе. Ведите себя пристойно!

Комиссар. Они все здесь?

Альбер. Да, товарищ комиссар.

Комиссар *(берет список).* Бывший граф Зигмунд фон Валенсей.

Граф. Это я.

Комиссар. Бывшая графиня Эрминия фон Валенсей.

Графиня. Рада с вами познакомиться. Могу я спросить ваше имя?

Комиссар *(холодно посмотрев на нее, продолжает).* Бывшая баронесса Мина фон Брахейм.

Баронесса делает реверанс.

Комиссар. Ганс фон Валенсей. Людвиг фон Куберстроф.

Людвиг щелкает каблуками.

Комиссар. Вы были офицером?

Людвиг. Я имел эту честь.

Комиссар. Хорошо. Где Гертруда фон Кубер-

строф?

Людвиг. Моя жена принимает ванну.

Комиссар *(солдатам).* Приведите ее, товарищи.

Людвиг. Что это значит, я не позволю! Это недопустимо!..

Граф *(мягко заставляя его замолчать).* Тс-тс-тс! Теперь все допустимо. Зарубите себе это на носу.

Людвиг. Но, в конце концов, моя честь…

Граф *(мягко).* У вас больше нет чести.

Двое солдат возвращаются с Гертрудой. Она в простыне, наброшенной на голое тело, волосы обмотаны полотенцем, выглядит хорошенькой простушкой.

Комиссар *(долго ее разглядывает).* У-у-у! Она совсем не дурна. Вы уверены, что это она и есть? А на вид обыкновенная хорошенькая немочка, совсем не аристократка. Она хоть платья носить умеет?

Альбер. О да, товарищ комиссар! Если бы не революция, вы бы ее никогда в таком виде не увидели! По утрам, прежде чем показаться на люди, она по три часа проводила у своих банок с кремом и шкафов с нарядами. У нее было двена-

дцать платьев на сезон. Она примеряла два-три, прежде чем решить, что надеть к завтраку.

Комиссар. Надо позаботиться о том, чтобы у нее была дюжина платьев. *(Уточняет.)* Две дюжины. И чтобы она почаще их меняла. Не нужно скаредничать для народа!

Альбер. Положитесь на меня, товарищ комиссар, я ее выдрессирую. Впрочем, наряжаться — это единственное, что она умеет делать.

Комиссар. Хорошо. *(Какое-то время молча разглядывает всех, потом начинает речь.)* Вы — собаки, вы — похотливые гадюки, вы — пиявки, которые сосали народную кровь, и теперь вы за это платите. Слышали в тюрьме выстрелы? Это ожидает всех вас, а ваши дети моложе пятнадцати лет будут перевоспитаны и отправлены на завод. Мы позаботимся о том, чтобы они забыли всех вас и научились гордиться тем, что они рабочие. Но только они никогда не смогут подняться выше чернорабочего. О том, чтобы стать квалифицированным рабочим или, более, учиться на инженера, не может быть и речи. Для этого у них недостаточно хорошее происхождение. А как быть со следующим поколением, посмотрим. Решим без спешки! Это о детях.

Что касается взрослых, пока только один метод

доказал свою эффективность: это обыкновенная, безоговорочная физическая ликвидация… Но встает вопрос воспитания народа… Нельзя допустить, чтобы народ забыл… Нужно, чтобы и через десять лет, когда вы все будете ликвидированы, дети рабочих, совершивших революцию, тоже могли бы себе представить, что это был за класс — буржуазия. За взрослых бояться нечего — они не забудут, они достаточно пролили пота, достаточно долго жили собачьей жизнью… Но у нас в Центральном комитете встал вопрос о детях…

Я трачу свое время и объясняю все это для того, чтобы вы поняли, как вас будут использовать. Теперь все будет направлено на культуру! Везде, в каждом городе открывается Музей Народа, потому что нужно, чтобы люди образовались, нужно, чтобы народ…

С картами, домино и прочими забавами покончено! Развлечения должны быть столь же серьезными, как и все остальное. Труд и культура! Мы своей культурой обязаны партии! Будут введены ежеквартальные и годовые экзамены, и от их результатов будет зависеть распределение карточек на снабжение. Человек образованный будет получать талон на пару туфель. А тот, кто отлынивает, например, от изучения истории

искусств, только на галоши. Народ будет суров по отношению к самому себе! *(Злобно смотрит на семью фон Валенсей.)*

Я не спрашиваю, поняли ли вы, потому что по вашим рожам реакционеров очень хорошо вижу, что вы не способны это понять… Ну, ладно, я продолжаю. В культуре народа важное место занимает история. А в истории, к сожалению, ваш класс похотливых собак является историческим фактом. И надо, чтобы народ имел возможность познакомиться с этим историческим фактом. Вот благодаря этому обстоятельству вы еще не кормите червей, как ваши знакомые.

Временное правительство решило, что в каждом крупном городе одна буржуазная семья будет оставлена в живых и будет продолжать жить так, как жила раньше, а народу будет разрешено в часы досуга приходить и смотреть, как вы живете, чтобы он не забыл, что это такое — буржуазия. Вас рекомендовал Комитету товарищ Альбер, который хорошо вас знает. Он сказал, что вы для этого вполне подходите. Вы находитесь сейчас в Музее Народа. Вы будете здесь жить, как у себя дома, так же, как жили раньше, а народ будет смотреть на вас из-за этой веревки: Да, да, как в зоопарке! И будьте любезны хорошо развлекать

его, свора обезьян! Ну, а что касается деталей, то товарищ Альбер, который назначен за это ответственным, вам все объяснит.

Я сейчас иду докладывать Комитету, а завтра музей откроют. Будьте к этому готовы и исполняйте ваши обязанности как следует! Не забывайте, что есть и другие кандидаты, которые предпочтут оказаться на вашем месте вместо того, чтобы кормить червей!

Комиссаре солдатами уходят. Альбер остается.

Графиня *(прикладывает к глазам лорнет и обращается к Альберу в той же манере, как когда-то, когда он был ее дворецким).* Альбер! Извольте немедленно объяснить мне, что все это значит!

Альбер *(спокойно).* Это значит, что добрые старые времена кончились и вам, дамочка, для начала следует разговаривать со мной другим тоном.

Графиня *(подскакивает на месте).* Дамочка, Альбер?

Альбер. Да, дамочка! И то, что у вас еще есть возможность прикладывать к своему крючковатому, как у попугая, носику лорнет, и даже то, что у вас еще есть этот носик, — всем этим вы

обязаны мне! Надо вам сказать, что кандидатов в Музей Народа было сколько угодно — спасти свою шкуру хотели все. Вашей семье повезло, потому что я был главным в ячейке. Да будет вам известно, я уже десять лет тому назад вступил в партию. Я присутствовал на заседании Революционного комитета, когда там обсуждался этот вопрос. Я поднял руку и сказал: товарищи! Я был лакеем, и мои хозяева — это такие отвратительные обезьяны, что более мерзких буржуа трудно себе представить! Лучше их вы никого для музея не найдете! Хорошо, сказали мне, берем их на пробу! *(Спокойно добавляет.)* Я сказал: на пробу!

Граф. Мой дорогой Альбер, поверьте, мы бесконечно признательны вам за то, что вы для нас сделали.

Графиня *(едко).* Вы теперь, возможно, будете пользоваться своим положением, чтобы унижать нас, мстить за свои былые унижения.

Альбер *(спокойно).* Нет! Потому что вам никогда не удавалось меня унизить! Вы, конечно, думали, что унижаете меня, но это был ваш буржуазный взгляд на вещи! Слугу унизить нельзя, во всяком случае, так, как вы это делали. Когда вы начинали важничать, вылупив на меня свои двойные зенки, я только посмеивался. «Да, гос-

пожа графиня. Хорошо, госпожа графиня». Место было теплое, платили вы хорошо, а я знал то, чего вы не знали. Например, ваш кофе… Припоминаете, вы мне говорили: «Альбер, как это получается, что кофе всегда горький?» — «Я не знаю, госпожа графиня», — отвечал я. Глупости, я очень хорошо знал. Я писал в ваш кофе.

Графиня *(собирается упасть в обморок).* О! Это слишком! Кресло мне!

Альбер *(холодно).* Кресло позади вас. Подвиньте его сами. Вы еще и не то узнаете… Вот такие мелочи помогали мне переносить капитализм. Я только не надеялся, что когда-нибудь смогу вам сказать, что писал в ваш кофе. Революция дала мне такую возможность. Вот и все.

Баронесса *(тоном девочки, которую обидели).* Теперь вы становитесь важным человеком. Так вот, я желаю, чтобы у вас был слуга, который бы тоже писал в ваш кофе! Вот вам!

Альбер *(внезапно становится приветливым).* Не будьте такой злюкой, тетушка Мина. Всего три капли! А впрочем, вам нечего жаловаться. Разве ваш кофе, тетушка Мина, был горьким?

Баронесса. Должна признаться, никогда.

Альбер. В ваш я не писал. Потому что хоть вы и баронесса, но добрая женщина.

Граф. Если мы попытаемся забыть прошлое, мой дорогой Альбер?

Альбер. Что я и хотел вам сказать. Но только без фамильярностей! Не злоупотребляйте своим положением! Называйте меня «товарищ заместитель помощника комиссара»!

Граф. Это несколько длинно.

Альбер. Тогда вообще никак не называйте. Зовите, как раньше.

Граф. Так вы останетесь у нас на службе? Это чудесно!

Альбер. У вас на службе! Размечтались! Только во время представлений!

Граф. Представлений?

Альбер. Да. Музей Народа будет работать с восьми до десяти утра. Это будет называться «Пробуждение буржуа». Потом с двенадцати до двух дня — «Трапеза буржуа». И вечером — с девяти до одиннадцати — «Вечер буржуа». С восьми до десяти и с двенадцати до двух музей будет открыт только для групповых посещений трудящихся, заводы будут присылать сюда рабочих целыми бригадами. А вечером вход будет свободным. Трудящиеся, если им понравилось, смогут приводить сюда свои семьи. Вечером здесь будет очередь, это я вам точно говорю.

Графиня *(она пришла в себя и начинает интересоваться разговором).* Очередь? А что они здесь будут делать?

Альбер. Они будут там. За веревкой. Будут смотреть на вас.

Графиня. Смотреть, как мы… А что мы будем делать?

Альбер. Вы будете жить, вот и все. От вас требуется жить, как вы жили раньше, только за веревкой, — для народа. Для его воспитания и развлечения.

Баронесса *(в ужасе).* Мы должны будем учить роли? Но у меня нет никакой памяти. Я никогда не могла запомнить ни одной басни!

Альбер *(приветливо).* Да нет, тетушка Мина. Не пугайся ты так, моя толстушка. Что ты делала целыми днями в углу гостиной? Вязала носки для бедных?

Баронесса. Да.

Альбер. Так вот для тебя это будет совсем нетрудно. Ты будешь продолжать вязать носки. Только интересно, кому мы будем их раздавать теперь, когда произошла революция и бедных больше не будет… Ну, в конце концов, это они там, в Центральном комитете, решат.

Баронесса *(возмущенно).* Как, у меня моих бед-

ных тоже заберут?

Альбер. Не будет больше бедных, говорю тебе!

Баронесса. А семья Брукар, где семеро маленьких детей?

Альбер. О них позаботится государство!

Баронесса. А что, у их матери сразу прошел туберкулез?

Альбер. О ней позаботится государство!

Баронесса. А муж-пьяница больше ее не бьет?

Альбер. Об этом… *(Замолкает.)* Ну, нельзя все сделать сразу. Но в плановом комитете должны были предусмотреть, и что делать с пьяницами. Они все предусмотрели.

Людвиг *(подходит к Альберу и говорит твердым голосом).* Господин Альбер!

Альбер. Товарищ заместитель помощника комиссара, если вам будет угодно! Нет больше господ!

Людвиг. Заместитель помощника комиссара, скажите своим новым хозяевам, что меня можно вести на расстрел. Я офицер. Я не стану клоуном на потеху всякой швали. Разойдись! *(Щелкает каблуками.)*

Альбер *(мягко).* Не изображайте из себя идиота, господин Людвиг! Никто от вас не требует быть клоуном в большей степени, чем вы были им

всегда. *(Передразнивает его.)* Монокль, каблуки… На потеху всякой швали… Разойдись!

Продолжайте в том же духе, это как раз то, чего от вас ждут. И нация будет вас бесплатно кормить. Можете жаловаться!

Людвиг. Я повернусь к ним спиной!

Альбер. Браво! То, что нужно!

Людвиг. Я и не посмотрю на них.

Альбер. Я очень надеюсь, что вы будете себя вести именно так. Вот если бы вдруг решили стать вежливым, это совсем бы не подошло. Вам ведь говорят: нужно, чтобы народ видел вас такими, какими вы были!

Вот госпожа Гертруда согласна, не правда ли?

Гертруда. Комиссар говорил о двенадцати платьях. Откуда их возьмут? Я соглашусь только на том условии, что буду хорошо одета!

Альбер. Положитесь на меня! В тот-день, когда началась революция, в «Гранд-отеле» был большой французский вечер, и там показывали моды Дусэ. Манекенщицы укрылись в посольстве, а платья побросали. Я оформил документы на реквизицию и, слава богу, успел прибыть туда первым. Я хотел, чтобы мои буржуа были одеты лучше всех.

Гертруда *(восхищенно).* Вся коллекция Дусэ…

мне… Но ведь это чудесно!

Альбер. Я же вам говорю, что революция — это хорошее дело!

Ганс *(подходя к отцу).* В конце концов, отец, чем мы рискуем, если согласимся? Мне двадцать лет. Европа вся может оказаться перевернутой с ног на голову, уж во всяком случае, границу не перейдешь. Я рассчитываю приспособиться к завтрашнему миру. Я буду работать. Буду зарабатывать на хлеб своими руками.

Графиня *(в ужасе).* Ганс, что ты говоришь!

Альбер *(вдруг очень жестко).* Э нет, цыпленочек, погоди! О том, чтобы к чему-либо приспособиться, не может быть и речи! Неужели ты думаешь, что тебе позволят стать рабочим и пользоваться всеми теми благами, которыми будут пользоваться трудящиеся? Зарабатывать на хлеб своими руками?! Ты с ума сошел! Бегать за юбками — пожалуйста! Ничего не делать, как и раньше, — да! Покер, танцы, стрельба по голубям, и не просыхать!.. Алкоголь будет распределяться по карточкам, но для вас на представлениях его будут выдавать свободно. Мы хотим, чтобы народ видел, как вы на бровях ходите! А что касается амурных дел, в вашем распоряжении будут горничные, станете лапать их где-нибудь за дверью.

И так всю жизнь!

Ганс *(заинтересовавшись).* А-а! У нас будут горничные? И хорошенькие?

Альбер *(застигнутый врасплох).* Да-а, вот об этом не подумали! Конечно, как работник, ответственный за представления, я должен был позаботиться об обслуживании… Но я один… А разве для того мы делали революцию, чтобы работать вдвое больше? Ну уж нет! Признаюсь, этого мы не предусмотрели. Нельзя ведь, однако, заставить участвовать в таком спектакле девушку из народа… Мы постараемся найти актрису, одну из тех, кого посадили за решетку за то, что она спала с толстосумами. Она будет счастлива сыграть эту роль вместо того, чтобы ходить бритой наголо.

Графиня *(графу).* Зигмунд, как мы, по вашему мнению, должны ко всему этому отнестись? Что вы думаете?

Граф *(мягко).* Я ничего не думаю. Отныне мы не имеем права что-либо думать. Мы илоты. Будем изображать илотов!

Альбер. Да не воображайте вы о себе так много. Никакие вы не илоты, вы просто будете шутами для народа. Кстати, а что это такое — илоты?

Граф. Это был такой народ. Их покорили спартиаты и сделали своими рабами. В определенные

дни спартиаты их умышленно спаивали и разрешали творить все мыслимые и немыслимые мерзости, чтобы дети спартиатов смотрели и вырабатывали в себе к этому отвращение.

Альбер *(удивленно).* Да-а! Значит, эта мысль уже приходила людям в голову… И был какой-то толк?

Граф. В то время, конечно. Но с тех пор прошло больше двух тысяч лет. Вы знаете, Альбер, все утрясается, даже революции.

Альбер *(помолчав, мягко).* Я понимаю, господин граф… Поэтому-то… Никогда ведь не знаешь, как себя поведут великие державы, не случится ли вдруг какая беда… И вам все-таки не надо забывать, что…

Граф *(хлопая его по плечу).* Я именно так все и понял, Альбер. Пойдите посмотрите, не осталось ли у Вальдшуцей в библиотеке сигар? Я вот уже пятнадцать дней, как не курил сигар.

Альбер *(поколебавшись, вытаскивает из кармана сигару).* Держите. У Вальдшуцей, разумеется, ничего нет, да и нигде нет. Просто я одним из первых побывал у вас в доме. Это ваша. Но в Комитете мне сказали, что для представлений вам будут их доставлять.

Граф *(раскуривает сигару, потом вытаскива-*

ет у Альбера из кармана еще одну). Поскольку это мои сигары, позвольте мне и вас угостить, и давайте покурим. Нам с вами никогда не доводилось покурить вместе.

Альбер *(осторожно посмотрев на графа, раскуривает сигару и вздыхает).* Что вы хотите, господин граф, когда-то это должно было произойти… Слишком уж много было злоупотреблений.

Граф. Конечно, Альбер. Заметьте, что злоупотребления будут и с другой стороны. Так что потом получится нечто среднее. Все утрясается, Альбер, а вот мы начинаем оба стареть… Но мне понравилось, как Ганс отнесся к переменам. Ему только двадцать лет, и если ваш новый мир продержится…

Альбер *(расслабившись, курит, стоя рядом с графом).* Поймите меня правильно, господин граф, ведь сейчас нельзя ничего сделать… Не надо требовать невозможного. Но пройдет какое-то время, и с помощью протекции — у меня в Центральном комитете есть несколько хороших приятелей — я постараюсь устроить его на завод.

Граф. Спасибо, Альбер.

Наплыв.

Утро в день открытия Музея Народа.

С другой стороны шнура еще пусто. Семья гра-

фа фон Валенсей в домашней одежде собралась за столом для завтрака. Вес в ожидании.

Альбер одет, как когда-то, в ливрею. Графиня нервничает, как актриса перед поднятием занавеса.

Графиня. Мне страшно. Я не смогу говорить.

Альбер. Делайте все, как обычно. От вас не ждут большего. Приложите к носу лорнет и крикните мне: Альбер, этот кофе, положительно, слишком горький!

Графиня *(в ужасе).* Так вы опять собираетесь?..

Альбер *(великодушно).* Нет. Теперь, после того, как произошла революция, я больше не буду писать в ваш кофе.

Гертруда *(входит в роскошном нижнем белье, подходит, восхищенная, к Альберу).* Альбер, дорогой мой Альбер, как вам нравится мое нижнее белье? Несколько экстравагантно, зато как по-парижски, не правда ли *? (Людвигу.)* Вы не хотели, чтобы я одевалась у Дусэ!.. Вы считали, что это, видите ли, слишком дорого! Теперь я дождалась, мне это удовольствие доставил Альбер!

Альбер *(скромно).* Мне оно обошлось не очень дорого.

Гертруда. Да, но вам пришла в голову эта мысль… А как вам мой макияж, Альбер? Не слиш-

ком ли для утра? Мне страшно!

Альбер *(рассматривая ее).* Сойдет. По правде сказать, это скорее вечерний макияж. Утром он у вас был не такой яркий.

Гертруда. Да, но перед публикой…

Альбер. К тому же это доставит людям удовольствие. Народ привык думать, что богатые женщины размалеваны, как актрисы.

Ганс. Кстати, об актрисах. Вы нашли горничную?

Альбер. Да, сегодня вечером будет.

Ганс. Хорошенькая?

Альбер *(ворчливо).* Мне надо было бы нарочно подобрать для вас дурнушку, сопляк вы этакий, в отместку за то, как вы мне досаждали, возвращаясь под шафе в три часа ночи, а я вынужден был вас дожидаться… Ну да я человек добрый, а потому нашел хорошенькую…

Ганс. Вы же тоже были молодым, Альбер!

Альбер *(сухо).* Да, но не таким. Кстати, а почему вы трезвы?

Ганс. А каким образом я, по-вашему, могу быть пьян? Что я пил эти пятнадцать дней?

Альбер. Очень плохо. Что ж, сегодня утром придется притвориться. Но вы, разумеется, как обычно, откажетесь от завтрака. Попросите со-

ды…

Ганс *(возмущенно).* Но сегодня я хочу есть!

Альбер. А на это мне наплевать! Представление должно пройти успешно.

Графиня. Я тоже, Альбер, начинаю хотеть есть. Подавайте, пожалуйста!

Альбер. Подождем, пока придет Комитет. Вы что, воображаете, что товарищи повара будут работать для того, чтобы набить животы каким-то буржуазным подонкам?!

Раздается звонок, затем шаги, входят два солдата, затем Комитет.

Альбер становится в позу и, меняя тон, очень уважительно начинает.

Альбер. Госпожа графиня, кушать подано! *(Он начинает ходить вокруг стола.)*

Баронесса *(бормочет).* Мне страшно. Я умираю от страха. Я никогда не могла говорить на публике.

Альбер *(тихо).* Не волнуйтесь, моя толстушка! *(Громко.)* Мадемуазель баронесса будет пить чай с молоком или с лимоном?

Баронесса *(деревянным голосом).* С молоком.

Альбер *(тихо).* Немного громче, моя толстушка, и все будет нормально. *(Подходит к похолодевшей*

от ужаса графине, тихо.) Ну а вы, господи боже мой, говорите же что-нибудь, или они вышвырнут вас отсюда. *(Громко.)* Госпожа графиня будет кушать яйцо? *(Пользуясь тем, что его в этот момент не видят члены Комитета, дает ей тычок в спину.)* Говорите же, господи боже мой!

Графиня. Альбер!

Альбер. Госпожа графиня?

Графиня. Я нахожу, что вы с некоторых пор слишком распустились.

Альбер. Хорошо, госпожа графиня. Я буду следить за собой, госпожа графиня.

Члены Революционного комитета (это пожилые рабочие, несколько интеллектуалов, в том числе уже известный зрителям Комиссар, и товарищ Председатель, добродушный, бородатый, как Карл Маркс, одетый, как мелкий буржуа, гигант) очень серьезно наблюдают.

Первый комиссар-рабочий. Ты слышал, как она говорила со своим лакеем? И люди это терпели!..

Второй комиссар-рабочий. О! Я тебе скажу, что это было ремесло для попрошаек. Именно для них!

Комиссар *(Председателю).* Они неплохо выгля-

дят, не правда ли, товарищ Председатель?

Председатель *(громко).* Да, не плохо, но мне кажется, что старуха недостаточно изысканна. Можно было бы найти получше.

Комиссар *(угодливо).* Вы полагаете, товарищ Председатель?

Председатель. Я видел этих буржуазных дам на ярмарках в своем городе. Когда они держали в руке чашку, мизинец у них был поднят вверх. А эта не поднимает мизинца, она недостаточно изысканна. Можно было б найти получше.

Комиссар. Я сейчас скажу товарищу заместителю помощника комиссара, ответственному за представление. *(Зовет.)* Товарищ Альбер!

Альбер *(подходя к шнуру).* Да, товарищ комиссар!

Комиссар. Товарищ Председатель находит, что старуха недостаточно изысканна. Вы могли бы нам ее заменить?

Альбер. Графиня? Да я вас заверяю, товарищ комиссар, что она принадлежит к самым сливкам высшего общества. Она кузина фон Бюлова.

Председатель. Может быть, но я считаю, что она должна бы поднимать вверх мизинец, когда держит чашку. Буржуазные дамы, когда пили, поднимали мизинец.

Альбер. Товарищ Председатель, так то мелкие буржуа, но в аристократических кругах, могу вас заверить, мизинец вверх не поднимали.

Председатель *(смущенно, в раздумье).* Да? Это установлено исторически?

Альбер. Да, исторически.

Комиссар. Товарищ Альбер — один из лучших наших специалистов по этому вопросу. Товарищ Альбер двадцать лет прослужил у аристократов.

Председатель *(добродушно).* Ну, если это установлено исторически… Революция доверяет своим специалистам. Продолжайте!

Альбер возвращается к столу, за которым его ожидают встревоженные члены семьи фон Валенсей.

Альбер. Продолжаем…

Граф. Альбер!

Альбер. Господин граф?

Граф. Будьте любезны, друг мой, закройте форточку, мне холодно.

Альбер. Хорошо, господин граф. *(Идет закрывать форточку.)*

Граф. И я прошу вас с сегодняшнего дня внимательней следить за тем, чтобы мои тосты были лучше поджарены! Хорошо, друг мой?

Альбер. Я прослежу, господин граф. *(Отходит от графа.)*

Граф. Альбер!

Альбер *(возвращаясь).* Господин граф?

Граф. Откройте форточку, пожалуйста, мне слишком жарко.

Альбер. Хорошо, господин граф.

Граф *(роняет свой носовой платок).* Альбер!

Альбер. Господин граф?

Граф. Поднимите, пожалуйста, мой носовой платок, друг мой!

Ропот ужаса и восхищения среди членов Комитета рабочих.

Альбер. Хорошо, господин граф. *(Поднимая платок, тихо говорит графу.)* Что с вами происходит? Вы никогда себя так не вели…

Граф *(сквозь зубы).* Я стараюсь получше играть, старина. Хочу, чтобы народ за свои деньги получил сполна.

Альбер *(тихо).* Но так-то уж усердствовать не надо!

Первый комиссар-рабочий. Погляди, этот в самом деле хорош: Как он досаждает лакею!

Комиссар. Он действительно замечателен, вы не находите, товарищ Председатель?

Председатель. Да, у него вид настоящего буржуа. Но вот та, что изображает его жену, по-моему, недостаточно изысканна.

Графиня *(она слышала слова Председателя, графу).* Бессмыслица какая-то!

Граф. Играйте лучше, играйте лучше, Эрминия, и у вас будет такой же успех, как у меня.

Графиня. Но, в конце концов, что он понимает под словом «изысканна»?

Граф. Играйте для них. У них нет никакого желания видеть вас такой, какая вы есть на самом деле. Они хотят видеть вас такой, какой они вас себе представляют!

Графиня. Но такая жизнь просто невыносима!

Граф. Может быть, но другой нам не предлагают.

Первый комиссар-рабочий. Громче! Громче! Товарищ Альбер, ваших буржуа не слышно. Когда здесь будет народ, он должен слышать все. Скажите им, чтобы говорили громче!

Альбер. Вы слышите? От вас требуют, чтобы вы говорили громче.

Графиня. Но тогда мы не будем естественны.

Альбер. От вас не требуется быть естественными. От вас требуется, чтобы публика вас слышала. Не забывайте, что есть другие кандидаты. А ну

давайте, проснитесь! Устройте для товарищей из Комитета небольшую семейную сцену.

Члены семьи фон Валенсея смущенно молчат.

Альбер. Не будете же вы мне говорить, что вам ничего не приходит в голову… Да вы ругались по утрам, как сапожники. Вспомните, графиня, какую сцену вы устроили в январе прошлого года, когда узнали, что ваш муж, пока вы ездили в Париж, спал со своей любовницей в вашем доме. Вы сейчас увидите, товарищи комиссары: что касается семейных сцен, этой парочке нет равных! Это чемпионы. Ну, давайте же! Графиня, вы помните, надеюсь, маленькую Зизи из «Парадиза»?

Графиня *(графу, едко).* Значит, и Альбер об этом знал?

Граф *(пожимая плечами).* Вы так сильно кричали, моя дорогая, что вся улица об этом знала.

Графиня. Так, значит, он был вашим сообщником, может быть, даже сводником? Поскольку вы с вашим именем, с вашими заслугами не осмеливались показываться за кулисами этих распутных заведений, вы посылали туда его? Вы монстр! Если говорить языком этих господ, вы похотливая гадюка!

Восхищенный Комитет прыскает со смеху.

Граф *(выходя из равновесия).* Та сцена была столь же смешной, как и все другие. Вы прекрасно знаете, что у меня всегда были любовницы. И вы очень хорошо знаете, почему, черт возьми! Я старательно сделал вам двоих детей, мадам, так же старательно, как я сражался на двух войнах, ибо это был мой долг. Но за войны меня награждали орденами!

Гертруда *(кричит).* Отец, это недостойно!

Граф. Недостойно, это правда! Но сейчас революция, черт возьми! Я выкладываю все начистоту!

Людвиг *(подходит к графу, чопорно).* Мойдорогой тесть, мы не можем вам позволить…

Граф. Идите щелкайте каблуками куда-нибудь подальше, у меня это вызывает отвращение. Впрочем, вам и сказать нечего, вы изменяете моей дочери со всеми шлюхами города, только выбираете их гораздо хуже меня.

Людвиг. Я вам запрещаю!

Гертруда. Что я слышу, Людвиг?

Граф. А тебе нечего делать вид, что ты возмущена! Ты меняешь любовников, как портных — каждый сезон… И нечего разыгрывать удивление — твой муж это прекрасно знает.

Ганс *(подходит к графу).* Папа, все-таки…

Граф. Ну, а что касается тебя, подающий надежды бабник, ты способен только на то, чтобы брюхатить горничных своей матери да напиваться… Так вот, если я любил женщину, пусть ее звали даже Зизи, не сегодня меня в этом обвинять!

Людвиг *(хватает графа за руку).* Господин граф, вы ответите мне!

Ганс *(вскакивает).* О нет, Людвиг, вы не притронетесь к папе!

Молодые люди схватываются, падают и продолжают бороться на полу.

Баронесса. Негодяи, негодяи, вы все негодяи! На помощь, Альбер!

Графиня *(колотит дерущихся Людвига и Ганса лорнетом).* Что вы делаете, нельзя же драться при слугах! Выйдите, Альбер!

Альбер *(с достоинством).* Слушаюсь, госпожа графиня! *(Перешагивает через шнур и обращается к Комитету.)* Вы теперь сами видите, у них есть талант, у моих обезьян. Просто их надо завести.

Комиссар. Это то, что нам нужно. Я скажу, что остальных можно ликвидировать. Они неплохо выглядят, не правда ли, товарищ Председатель?

Председатель. Да, они хороши. Им можно доверить этот пост. Понимаете, я старый социалист и не часто бывал среди буржуа, но мне казалось, что они все-таки должны быть более изысканны.

Члены Комитета, разговаривая, уходят, а тем временем Ганс и Людвиг продолжают драться.

Затемнение